

Почему я пошел во МХАТ, который имени А. П. Чехова, на спектакль «Молочный фургон не останавливается больше здесь!» Нет, не потому что Теннесси Уильямс. Со временем ведь начинаешь замечать, что все эти великие заняты вовсе не нашими заботами, а своими комплексами... А пошел я потому, что Таня Лаврова. Нет, я не фамильярничаю, для нашего поколения она навсегда останется Таней Лавровой.

Таня была очень хорошая девушка. Светлый, добрый человек. Но при этом очень красивая. Что, как вы знаете, не способствует личному счастью. У меня с ней связано трогательное воспоминание.

«Современник» только начинался. Было весело, дружно. Расставаться не хотелось, вместе было хорошо. Как-то после спектакля гурьба артистов и неартистов повалила именно к Тане. Она неподалеку от театра снимала на свои-то гроши комнату. Как вы понимаете, тут же начались поиски посуды — чем-то такой ораве чокаться надо было.

А я обмер. Я увидел на крошечном письменном столике портрет Хемингуэя — округлая борода, вписывающаяся в толстый свитер. Вскоре именно такой портрет поселился почти в каждой читающей семье. Но тогда я его увидел впервые. Мне потом еще кое-что довелось увидеть впервые — «Джоконду», скажем, или Тадж-Махал и Джомолунгму видел. Но то потрясение от «старинки Хэма»! Мои сверстники прекрасно меня поймут.

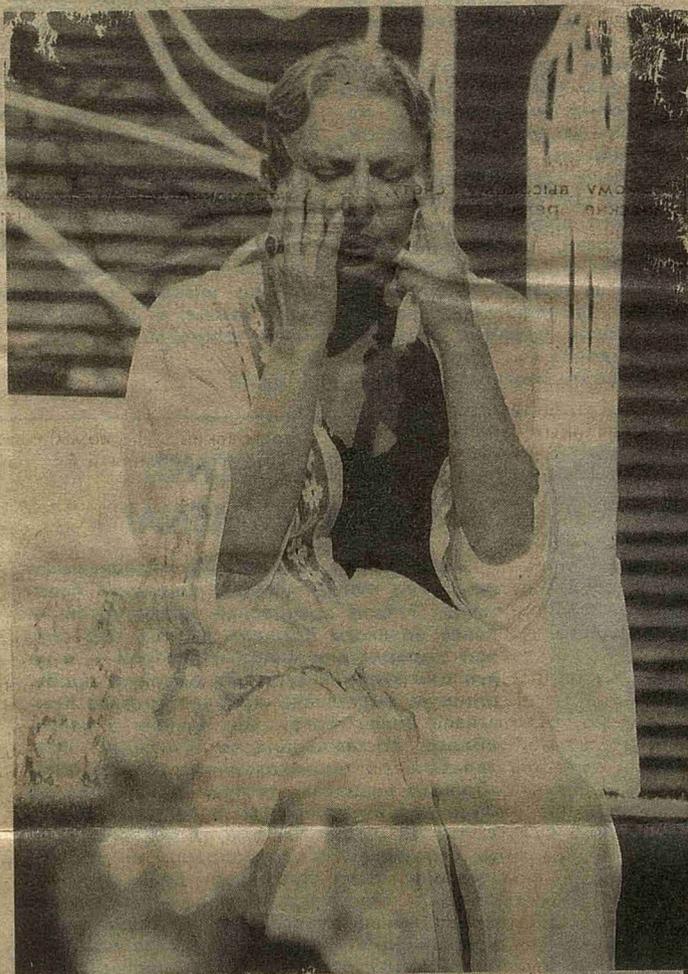
И представляете, уже в дыму прокуренного шума, сквозь чтение каких-то стихов и, конечно же, песни Булата Окуджавы Таня заметила, что я не могу оторвать взгляд от портрета. Она под села ко мне, улыбнулась своими волшебными глазами и шепнула своим сказочным голосом: «Вам очень понравился этот портрет?». Я даже ответить не смог. «Ну и возьмите его». И подарила сокровище. Легко и счастливо!

Не сочтите эти строки благодарностью через «минувший век». Просто я хочу, чтобы вы увидели Таню Лаврову. Она была очень хорошая девушка. Хотя и очень красивая.

Что у меня осталось от «шестидесятников», кроме меня самого? Булат Окуджава, Василий Аksenov, «Десять дней одного года». Этот фильм открыл в нашей жизни некую неведомую главу. И я буквально вот сию секунду понял, что Леля из того «личного фильма» нашего поколения для меня так и осталась Таней Лавровой.

Вообще-то я собрался сказать о нынешнем спектакле МХАТа. Но ведь с того фильма началась светлая известность Татьяны Лавровой. Конечно, можно счесть, что Тане тогда повезло — дебютировать в таком фильме! В чем везение-то? В том, что к талантливому

ВПРОЧЕМ, ДОЖДЬ ОСЕНЬЮ — ЭТО НОРМАЛЬНО

человеку пришла талантливая роль? Это, скорее, нам повезло, зрителям.

Да и что называть везением? Принято полагать, что хорошо начинать рядом с великими. Это как сказать! Попробуйте хоть приблизиться к их уровню. А ведь рядом был непостижимый Иннокентий Смоктуновский. Рядом Алексей Баталов в его лучшей роли. А само осознание, что режиссером фильма мудрейший Михаил Ромм, а снимает фильм выдающийся кинооператор Герман Лавров. Помните огромную белую стену, у подножия

которой бредет умирать крошечный человечек?

Мне тогда показалось, что это фильм о том, как на Лелю наступает неведомая ей, как, впрочем, тогда и нам, жизнь. В которой нет места любви. Может быть, именно из-за этого фильма мне потом казалось, что Таня всегда играет беззащитность. Беззащитность и перед любовью, и перед нелюбовью.

Я иногда скучаю по этому фильму.

И пошли годы. В ролях эту замечательную актрису я видел, к сожалению, реже, чем

хотелось бы. А по жизни-то и совсем не видел. Теперь вы понимаете, почему я поспешил уже на самое первое представление пьесы Теннесси Уильямса? Как мне сказали, Таня давно добивалась и этой пьесы, и этой роли.

Конечно, не надо ходить на премьеры, сыро все еще. А может, и не готово. Актеры то

хищением. Как угасает и смиряется эта взбалмошная и прекрасная женщина.

Прощание с жизнью — это величайшая из разлук. Не каждому оно по плечу. Не думаю, что Теннесси Уильямс об этом написал свою пьесу, у него в пьесах все-таки много вычурной суеты. Не знаю, об этом ли думала Тат-

яна Лаврова, играя эту роль, но я у нее увидел именно прощание. А может, немножко и прощение. В очень мощном, как раз не истеричном, а смиренном звучании. Пошумев в первом акте, актриса весь второй акт ведет на огромном напряжении, с великопленной точностью. Возможно, в этом есть и техника исполнения опытной актрисы. Но у Лавровой я никогда этой техники не замечаю. Это всегда всепоглощающая самоотдача. Мало какая актриса играет так долга ради своего персонажа.

По ходу спектакля возник один, если так можно выразиться, штрих. Абсолютно случайный, случившийся просто в этот раз, не подвластный ни режиссеру, ни актрисе. У Тани на щеке застряла крошечная слезинка. Совсем не видная дальше первого ряда. Не актерская находка, а просто слеза. Одинокая, беззащитная и крошечная, как сама жизнь.

Я понимаю, что ни в какой следующий раз этой слезы не будет. Что она просто скатится по щеке и исчезнет. Я только хочу сказать, что у большой актрисы даже случайное не случайно.

Я пишу вовсе не рецензию, а первое впечатление от спектакля и давнее впечатление от актрисы. Замечательной актрисы Татьяны Лавровой. За минувший год в нашем Театре произошло несколько событий уровня, по которому мы соскучились. Могу сказать, Татьяна Лаврова уже в начале сезона их продолжила.

Я пришел на это свидание к Тане Лавровой один. Мне так хотелось. И брел после спектакля тоже один. Улицы были совершенно пустынные, было холодно, и, конечно, нудно моросил дождь. Как жаль, что нам уже не по двадцать лет. Таня Лаврова была очень хорошая девушка.

Впрочем, дождь осенью — это нормально. Эдуард ГРАФОВ.

Фото И. Александрова.